

Внешняя благопристойность семьи – не показатель ее благополучия

САМЫЕ незащищенные слои населения в любой стране – дети и старики.

По мнению психологов, юное поколение гораздо больше, чем пожилые люди, подвержено психологическому и физическому насилию со стороны взрослых, потому что все-цело зависит от них. Именно потому принято так много законов, регламентирующих права детей и обязанности взрослых. Если малыша воспитывают родители, а не государство в роли воспитателей и нянек сиротских учреждений, – спрос за здоровье и развитие ребенка прежде всего с них. Но вот беда: кто будет заглядывать в каждую семью – все ли там в порядке? За закрытыми дверями детей могут унижать, бить, заставлять подчиняться, не замечать их вовсе. И все по принципу «хозяин – барин»: «Дети мои, что хочу – то и делаю». На тот случай существует Семейный кодекс, возразят органы соцзащиты. Но они же подтверждают – кодекс не обновляли более десяти лет, механизмы исполнения свода законов вообще оставляют желать лучшего. Да и кто из нас, прежде чем стать мамами и папами, хотя бы подержал эту книжечку в руках?..

Детки в клетке

Сестрички Катя и Настя Беловы (имена и фамилии изменены) могли бы сказать про свою семью: «Мой дом – моя крепость» – в прямом смысле слова. В этом году девочкам исполнится семь и восемь. Что такое детский сад, с трудом может вспомнить только старшая – туда Настю водили четыре года назад. Когда взрослые на работе, сестры сидят взаперти в крохотной комнате, в которой живут с мамой и ее сожителем. Родной пapa давно оставил семью, скрывается от милиции, не желаю платить алименты. Сотрудник уголовного розыска во время очередного визита к Беловым, наткнувшись на закрытую дверь, удивляется: кто бегает-топает в комнате? Соседи-квартирные объясняют – так весь день развлекаются брошенные дети. Там им и спальня, и игровая, и кухня на табурете – чай с печеньками на весь день и ведро в качестве туалета. За пределы комнаты их не выпускают из разумных соображений – вдруг откроют посторонним дверь, устроят потоп в ванной, пожар на кухне. Живущие с Беловыми по соседству жалуются на шум – у многих растут малыши, уложить их спать днем почти невозможно. Но поскольку никто не видел родителей Кати и Нasti пьяными, они не шумят и не дебошируют, – «в Багдаде все спокойно».

На улицу девочки выходят редко. Некоторые в подъезде наивно полагают, что мать увезла их жить к бабушке. Другие – новоселья, спустя год после переезда увидев молодую женщину с детьми, недоумевают: «Женя, мы и не знали, что у тебя двое детей!..» Это было бы возможно при нынешней нашей замкнутости на своих квадратных метрах и редких теплых соседских отношениях – в многоквартирной высотке или даже пятиэтажке. Но не в трехэтажных домах левобережья, где плотность населения в разы меньше, чем на правом.

Почему девочки не в детском саду, мама – Евгения Игоревна – объясняет просто: «Нечем платить». У каждой заведующей детсадом есть места для детей из социально неблагополучных семей. Были такие и для Беловых, но, чтобы получать льготы, необходимо собрать справки, абеготия по кабинетам с одними и теми же объяснениями женщине, видимо, показалась утомительной. Опять же: устроишь в детсад – сколько надо тратиться на сезонную и сменную одежду, чтобы воспитатели не смотрели на тебя косо. Однако непосещение малышами детского сада не повод привлечь родителей к ответ-

«В БАГДАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО»

Фото Ирины Журавлевой

ственности. Взрослые вправе сами решать: где лучше ребенку – в дошкольном заведении или дома. Но если выбран дом, не стоит забывать про детские медосмотры и прививки, без которых ребята не примут в школу, не говоря уже о самостоятельной подготовке к первому классу... Педиатры детской поликлиники неоднократно в записках напоминали об этом Евгении Игоревне – телефона у Беловых нет. Но безуспешно. Настя пойдет в школу в восемь лет, с младшей сестрой в один класс – решила мама, вразумительно объяснив любопытным: «Потому что Настя тупая. Да и вместе им будет лучше в одном классе». Еще бы! Девочки выросли дикарками и дальше своей семьи ни с кем не общались...

Неизвестно, как продолжилась бы эта история с детским затворничеством, если бы соседи не написали обо всем нам в редакцию. Социальная подключила к работе с семьей участкового врача, учителя из школы, куда должны пойти учиться девочки, других специалистов. Двери семейной клетки, говорят свидетели, стали открываться гораздо чаще.

Вместо завтрака – водка

Другая история стала неслыханным ЧП в системе дошкольного об-

разования Магнитки под конец уходящего года. Психолог ДОУ № 21, замещавший в группе воспитателя, случайно обнаружила, что четырехлетнего ребенка привели в садик в состоянии опьянения. Христиану Гильденбранту потребовалась скромная медицинская помощь и реабилитация в одном из сиротских учреждений для малышей.

Зная о неблагополучии в семье мальчика, – биологический отец в тюрьме, мать то работает, то нет, дважды судима, в отношении старшего сына лишена родительских прав, злоупотребляет спиртным, – психолог Алла Майорова предполагала, что только в садике ребенок мог полноценно пытаться спать на чистых простынях, слышать добрые слова в свой адрес. Заспанный, неухоженный, с чужого плеча одетый, Христиан не мог быть любимцем воспитателей, и внимание ему уделяли по минимуму. Мальчуган всегда плохо ел, а накануне случившегося отказался от ужина.

– Я водку буду дома пить, – объяснил он психологу-воспитателю.

– Кто ж тебе ее даст? – усмехнулась привыкшая к таким «взрослым» фразам женщина.

– Мама.

На утро Христиан отвернулся от завтрака – рыбы, омлета, банана,

хлеба с маслом. Майорова настояла сесть хоть немного. Когда падан выплюнул содержимое ложки, на женщину пахнуло спиртным. Поднятая тревога застала сотрудников детсада врасплох: медика в учреждении не оказалось. Может, она и была тогда в поликлинике, как утверждает директор, но на медработнике «висел» еще один детский сад, расположенный в том же районе, и на каждой из двух работ специалист должен появляться трижды в день. Заведующая с методистом вывели ребенка из группы, «обнюхали» и составили акт – вид заторможенный, на вопросы отвечает с трудом. Вызвали скорую – дежурная ответила, что без согласия родителей врачи не могут увезти ребенка в больницу. Только после звонка в органы опеки за мальчиком приехала неотложка. После третьей детской малыши отправили на реабилитацию в центр для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Медики не поставили Христиану диагноз «алкогольная зависимость в хронической форме», однако и не рискнули предположить, что опьянение было разовым. Заведующая детским садом № 21 Тамара Березовская теряется, когда обсуждают – если бы не случайно вскрывшийся факт, как долго Христиана могли

«кормить» дома спиртным? Хотя до сотрудников детского сада доходили сведения – нетрезвую мамашу видели стоящей на паперти с ребенком. Там ли она стала подпаивать сына, чтоб не замерз и выглядел поболезненней и погрустней, не знает никто наверняка.

Христиан ходит в детский сад с полутора лет. Чтобы помочь его матери выйти из затруднительного материального положения, заведующая предложила поработать женщине уборщицей. Через некоторое время начались «приводы» посторонних в детский сад, и компанейскую уборщицу попросили найти себе другое место. Воспитатели замечали, что мальчик отстает в развитии, не усваивает дошкольную программу, не всегда умыты-причесан и не в смениной одежде, зато мать старалась одевать его по сезону. То, что она на всю улицу могла «образно» выразиться в его адрес, шокировало, конечно, но наслышанные о семье взрослые не пытались знать больше.

Какая бы ни была семья неблагополучная, а ребенку с мамой лучше, чем в интернате, – это стало ясно из разговора с руководством детского сада. Однако когда во время ЧП заведующая послала воспитателя к матери Христиана рассказать о случившемся, женщина со страхом и слезами в глазах нерешительно стояла возле забора детского сада: ее в коммуналке могут убить или покалечить. За свою безопасность сотрудники переживали, зато не волновались за жизнь и здоровье малыша. Единственная попытка «нажать» на мать не словесно, а действиями, была предпринята летом, когда Христиана перестали приводить в садик. После писем в соцзащиту семью взяли на контроль, Христиан вновь стал посещать детсад... Но теперь уже пьяный.

Ольгу Шишлякову, начальника инспекции по делам несовершеннолетних Ленинского РОВД, в этой истории удивляет то, что правоохранительные органы о социально опасной семье не знали до последнего, а сведения о матери поступили в ИПДН из детского приюта через неделю после ЧП – необходимо было собрать материалы на лишенные матери Христиана родительских прав.

– Почему об алкогольном отравлении не сообщила больница, я могу понять, – заявляет Шишлякова, – закрутились-замотались. Но почему детский сад молчал о правонарушении и не давал тревожные «звонки» до того? Раз в квартал инспекторы ходят в образовательные учреждения... Что касается страха воспитателей появляться у мамаш дома, он моим сотрудникам понятен. Появившись на пороге квартиры, женщины опешили: там в пьяном угаре сидели несколько крепких «братьев» с голым торсом и наколками. Разговор состоялся только тогда, когда инспекторы вернулись в квартиру в сопровождении патрульно-постовой службы.

...Молчали сотрудники детского сада, молчали соседи, которые, видели, как женщина постоянно водила в квартиру «дружков». Одни терпели из соображений безопасности, другие молчали из благих намерений – какая-никакая, а у ребенка должна быть мать. В больницу к сыну она не пришла, в приюте появилась не сразу. На допросе инспектору призналась про первого ребенка, прав на которого давно лишина, что он ей не нужен, пусть его забирает отец. Сожалела, что так произошло с Христианом... Тем временем мальчик влился в новый для него детский коллектив приюта. В первые дни тосковал по дому, рисовал картинки и говорил: «Это для мамы». А мать до Нового года уже успела попасть в местный розыск по подозрению в краже...

ЛЮДМИЛА БОРЮШКИНА.